

Алисавета Челищева

КНЯЗЬ
НЕЖУЛЕННЫХ

*и
дочь жнеца*

18+

Лисавета Челищева
Князь Нетленных
и Дочь Жнеца
Серия «Последний
поцелуй жнеца», книга 3

*<https://litres.ru/73136674>
SelfPub; 2026*

Аннотация

Когда лед под моими коньками треснул, я не утонула, а провалилась сквозь завесу миров, чтобы очнуться в пропитанном мраком графстве. Мое новое тело — проклятие вечной красоты, что сводит с ума мужчин и разжигает смертельную зависть у женщин. И лишь двое мужчин неподвластные моим чарам — незрячий жестокий герцог и его немой брат. И чтобы вернуться в свой мир, мне предстоит совершить невозможное: оборвать одну из их жизней.

Содержание

Пролог	4
Глава 1: Из Дневника Дочери Жнеца	10
Глава 2: Начиная с Чистого Листа	17
Глава 3: Ткань из Лжи и Шёлка	26
Глава 4: Игра в Тени	42
Глава 5: Когти и Туман	61
Глава 6: Сад и Встреча	68
Глава 7: Морвин в Цепях	75
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Лисавета Челищева Князь Нетленных и Дочь Жнеца

Пролог

Туман Аддермура был не просто погодным явлением — это была плоть самого Графства, древняя и мыслящая субстанция. Он стелился по склонам гор, заполнял ущелья, проникал в самые узкие щели замковых стен, словно ища что-то, что давно потерял. В такую ночь, когда луна была лишь бледным пятном за пеленой влажной мглы, в часовне на скале происходило то, что случалось раз в тысячелетие.

Часовня не имела окон. Её стены, сложенные из чёрного базальта, впитывали свет факелов, не отражая его. Воздух внутри был густым от ладана и благовоний. Двенадцать фигур в капюшонах цвета запёкшейся крови стояли кругом, их лица скрывали черные маски с прорезями для глаз — если за этими щелями вообще что-то было.

В центре круга, на каменной плите, покрытой шкурой медведя, лежал юноша.

Он был бледен, слишком бледен, будто туман уже начал плести его новую форму изнутри. Тёмные выющиеся воло-

сы, влажные от пота, рассыпались по плечам, контрастируя с белизной кожи. На глазах — плотная шёлковая повязка, вышитая серебряными нитями в виде змеи, пожирающей собственный хвост. Уроборос. Символ вечности, которая сейчас должна была забрать часть его.

Его звали Ималдин. Но после этой ночи это имя перестанет существовать для всех, кроме тех, кто стоял в этом круге.

Старший из нетленных, тот, чьи руки под рясой больше походили на скелет, обёрнутый пергаментной кожей, поднял кинжал. Лезвие было выточено из обсидиана — чёрного, как сама ночь, и холодного, как сердце Аддермура.

— Кровь — лишь чернила, кости твои — пергамент, душа — печать, — его голос звучал не из гортани, а будто из самих стен, — но сердце... твое сердце — это перо, которым пишется власть.

Ималдин не дрогнул. Он знал, что будет. С детства его готовили к этому — ослепшего мальчика, который видел сквозь повязку больше, чем зрячие. Он видел потоки тумана, как живые реки, видел тени прошлого в стенах замка, слышал шёпот умерших в ветре на кладбищах. Его слепота иногда была даром, но и проклятьем. Теперь она станет его силой.

Холодное лезвие коснулось кожи над грудиной. Боль была острой, чистой, почти освежающей. Он не закричал. Кричать было бы бессмысленно. Вместо этого он сосредоточился на звуках — на тяжёлом дыхании монахов, на шипении факелов.

лов, на далёком шуме водопада где-то внизу, под скалой.

Разрез. Ощущение раскрытия, будто его тело было книгой, а кинжал — ножом переплётчика. Кровь потекла тёплым ручьём по рёбрам, смешиваясь с холодным потом. Руки монахов, похожие на корни древних деревьев, вошли в рану. Не было грубости — лишь точность вековых жрецов. Они искали, нащупывали...

И нашли.

Сердце Ималдина вынули из груди, пока оно ещё билось.

Он чувствовал это — невыразимую пустоту, холод, расползающийся от центра груди к конечностям. Мир закружился, звуки стали отдалёнными, будто доносились из-под воды. Но он не терял сознания. Ритуал не позволял.

Старший нетленный держал в руках тёплый, пульсирующий орган. Кровь стекала по его пальцам, чёрная в свете факелов. Он повернулся к каменному алтарю, на котором стояла шкатулка.

Шкатулка была вырезана из цельного куска чёрного дерева, инкрустирована серебряными змеями. Когда монах открыл её, внутри зашевелилось что-то живое — мелкие, блестящие твари, похожие на угрей, но с глазами, как у ящериц. Змеи Аддермура, порождения тумана, питающиеся памятью и кровью.

Сердце опустили в шкатулку. Змеи обвилились вокруг него, их тела замерли, будто прислушиваясь к последним ударам. Крышка захлопнулась с тихим щелчком.

— Твое истинное имя отныне скрыто в плоти, плоть скрыта в земле, земля будет хранить твою тайну, — запели монахи в унисон, их голоса сливались в один, лишённый пола и возраста.

Двое младших взяли шкатулку и понесли к выходу из часовни. Они спустятся в пещеры под скалой, пройдут лабиринтом, известным только нетленным, и заруют её в месте, где сходятся три подземные реки. Никто, даже они сами после окончания ритуала, не вспомнят эту дорогу.

Ималдин лежал на плите, его грудь была открыта, но кровь уже не текла. Вместо сердца в полости теперь было что-то иное — холодный, туманный свет, мерцающий в такт его дыханию. Нетленные склонились над ним, их руки снова вошли в рану, но теперь они не изымали, а вплетали — тонкие нити темной энергии, туманные волокна, частицы самой сущности Аддермура.

Он чувствовал, как графство входит в него, заполняет пустоту. Туман проникал в вены вместо крови, холод заменял тепло, вечность вытесняла смертность. Боль сменилась странным блаженством — как будто он наконец-то стал целым, каким и должен был быть.

— Теперь ты больше не Ималдин, — произнёс старший нетленный, его маска склонилась над лицом юноши. — Для мира ты — князь Аддермура. Для нас — носитель пустоты. Для себя... ты никто. Имя твоё будет дано туманом, когда придёт время.

Повязку с глаз не сняли. Её пропитали смесью из трав и пепла сожжённых предыдущих князей. Теперь она стала частью его кожи, вторыми веками, которые он никогда не сможет открыть. Но он и не хотел. Его зрение было иным — он видел энергии, связи, потоки. Видел, как от него в разные стороны тянутся нити к другим Графствам, ещё невидимые, но уже существующие.

Монахи подняли юного князя с плиты. Тело было лёгким, худым. Они одели его в рясу из серого шелка, вышитого узорами, которые повторяли извивы тумана. На голову возложили тонкую серебряную диадему — не украшение, а инструмент, фокусирующий волю.

— Править будешь не ты, а мудрость веков в тебе, — сказал старший, ведя его к выходу из часовни. — Сердце твоё спрятано, имя забыто. Теперь ты — сосуд. И когда придёт время, из сосуда этого изольётся власть на все Восемь Графств.

Дверь часовни открылась. Туман хлынул внутрь, обвил Ималдина, принял его. Он сделал первый шаг навстречу своему правлению — слепой, бессердечный, но вечный.

Где-то глубоко под землёй, в шкатулке, обвитой змеями, его сердце совершило последний удар и замерло. Но не умерло — лишь уснуло, чтобы проснуться, когда настанет его час.

Новый князь Аддермура вышел в ночь, и туман последовал за ним, как верный пёс. Впереди был трон, интриги, войны и тайны. И где-то в будущем — власть над всеми восемью

землями. Но сейчас он был просто слепым юношей с пустотой в груди и новым именем на устах, которое ещё предстояло узнать.

И первое из них, которое ему нашептал туман, было — Морвин.

Имя тени. Имя обещания. Имя начала его правления.

Глава 1: Из Дневника Дочери Жнеца

ТАНЯ

Из дневника, которого у меня нет. Потому что бумага стоит денег, а время вести записи — роскошь. Буду писать на салфетках. Кратко.

«Запись первая. О петербургской жизни, или как быть призраком в собственном доме.»

Меня зовут Таня. Мне двадцать, и я — живое напоминание о том, как быстро карета может превратиться в тыкву, а купеческая дочка — в прислугу. Мои родители когда-то вращали деньги, но теперь вращаются в могилах на Смоленском кладбище, оставив мне в наследство пару потёртых коньков и характер, который тётка Авдотья называет «скверным», а я — «единственным, что от меня осталось.»

Живу я в центре Петербурга, в большом холодном особняке, где мой мир ограничен чёрной лестницей, кухней, коридорами и каморкой под крышей. Моё утро начинается не с птичьего щебета, а со скрежета засова на кухне. Первый вдох — запах вчерашних щей и мышатины. Первое дело — растопить печь в гостиной, где я имею право находиться только со щёткой и тряпкой.

Тётка Авдотья — женщина, чьё лицо, кажется, застыло в вечном выражении брезгливого недовольства, когда она увидела меня на пороге своего дома в десять лет. Её милость измеряется порциями еды и количеством унижений в день. Дядя, титулярный советник, не замечает меня и вовсе, как не замечают пыль на полке. Я — часть обстановки, шумная и не очень удобная часть интерьера.

Что я делаю по дому? Всё. Чищу, мою, ношу, тру, слушаю, молчу. Мои руки знают грубость дров, скользкость мыльной пены, вес медных тазов. Моя спина помнит каждую поклонницу тёткиной «доброте». Моё окружение — это потертые обои с цветами, которые я ненавижу, вид из окна моей конуры на грязный двор и вечное эхо чужой, сытой жизни из парадных комнат.

Но есть у меня один ящик под кроватью. В нём — моё альтер-эго. Коньки. Когда я прикасаюсь к холодной стали, я снова становлюсь Таней, дочерью купца Григорьева, которой аплодировали на катке. Несмотря на мозоли и усталость, я украдкой делаю упражнения посреди комнаты, когда все спят. Пол скрипит, но я представляю, что это хруст льда».

«Запись вторая. О Клине, пруде и чепухе, которая мне почему-то не кажется чепухой.

Есть у меня одно окно в мир. Вернее, человек. Клин. Студент-медик, пахнет лекарствами, книгами и простой чело-

веческой теплотой. Не строит из себя благодетеля, не сюсюкается со мной. Просто пришёл в мою жизнь прошлой зимой, когда я растеряла свёртки по обледенелой мостовой, так он и остался возле меня.

Сегодня мы были на пруду в Летнем саду. Я каталась. Он смотрел. В его взгляде нет того оценивающего блеска, что бывает у зрителей в театре. Есть тихое «ты молодец», которое я читаю в уголках его глаз.

Потом мы сидели на скамье, мёрзли, делили чёрствы́е булки. Он ловил рыбу, которая никогда не ловится. Потом взял мою руку (я, как всегда, сделала вид, что это неловко) и поцеловал там, где кожа особенно тонкая, чуть ниже запястья. Прямо в родинку».

— Люблю эту твою родинку, — сказал он.

— Что в ней особенного? Пятно как пятно, — отмахнулась я, привычно.

— Не пятно. Это поцелуй.

Я фыркнула. Ну конечно. Опять эта его поэзия.

— Говорят, родинки — это метки от поцелуев твоих половинок из прошлых жизней, — продолжал он, совершенно серьёзно. — Они находят тебя снова и снова, по этим знакам.

«Не носи чепухи, Кли́н!» — хотела сказать я своё коронное. Но слова застряли. Потому что идея... чертовски красивая. Потому что его губы были тёплыми, а вера в его голосе — твёрдой, как лёд под нами.

— ...Хоть идея мне и нравится, — выдохнула я, сдаваясь.

— Придётся тебе постараться целовать меня получше, чтобы в следующей жизни у меня их были тысячи. Долго искать меня не придется тогда.

Он улыбнулся.

— А ты думаешь, я твоя половинка?

Я посмотрела на его руку. У самого основания большого пальца — такое же маленькое, будто зеркальное, пятнышко. Если не он, то кто? В моём мире из мужчин есть только вечно недовольный дядя, грубый кучер и похабные лавочники.

— Если не ты, то кто же? — сказала я, и это прозвучало так правдиво, что мне стало почти страшно. Неужели и правда... Клин будет моим единственным?

«Запись третья. О странном мальчике и треске льда.

По дороге домой я заметила мальчишку. Лет десяти, белёсый, в рваном пальтишке. Он стоял и смотрел на меня. Не так, как смотрят голодные — с просящей надеждой. А так, будто узнал меня. Его взгляд скользнул по моему лицу, задержался на родинке у глаза. Стало не по себе. Я протянула ему оставшуюся булку. Он покачал головой, не сказав ни слова, и растворился в сумерках».

— Почему он не взял булку? Разве не голоден? — спросила я Клина по дороге.

— Забудь его. Станный ребёнок. Таких много по городу. Но забыть не вышло. На следующий день, вырвавшись по делам, я снова пошла к пруду. Только надела коньки... И уви-

дела его — того же мальчика. Он лежал на снегу у кромки льда, не двигаясь.

Сердце вжалось в пятки. Я подбежала к нему. Он был жив, но глаза смотрели стеклянно от боли. Он открыл рот, но звука не последовало. Вместо этого его руки, синие от холода, начали складывать в воздухе знакомые знаки.

Я замерла. Язык жестов! Моя глухонемая подруга из гимназии как-то учила меня кое-чему... Казалось, целая жизнь прошла с тех пор. Мои собственные пальцы вспомнили, ответили: «Я понимаю тебя. Где больно?».

Шок в его глазах сменился надеждой. Он показал на ногу, потом испуганно махнул за спину: «Мне надо домой. Сестра наругает, если не вернусь».

Я кивнула, обхватила его под мышки. Он был легким, как пушинка. И в этот момент лёд под моими коньками треснул.

Звук был тихим и страшным. Тёмная паутина поползла у самых моих ног. Я рванула мальчика к себе, толкая его прочь, на берег. Получилось.

А подо мной лёд обломился.

Чёрная, ледяная вода впилась в кожу тысячами игл. Тяжёлое сукно платья тут же напиталось водой и потянуло ко дну. Я отчаянно дёрнулась, последнее, что увидела — широкие, полные ужаса голубые глаза мальчика на берегу.

Потом — темнота, давление, ледяной ожог в лёгких. Борьба, быстро угасающая. Ощущение, что я не тону, а лечу вниз, в какую-то бездну. И на щеке, там, где родинка, — странное,

тёплое покалывание, будто губы снова прикоснулись к тому самому «поцелую».

«Запись четвёртая. Пробуждение. Или — я умерла?».

Я очнулась от кашля, выплёвывая воду, но не тинистую воду пруда. Воздух, ворвавшийся в лёгкие, был странным — свежим, пряным, пахнущим дымом и незнакомыми ароматами. Я лежала на камнях.

Подняла голову. Надо мной было небо. Но не наше, низкое и серое. Огромное, лиловое, усыпанное слишком яркими звёздами. И по нему плыли светящиеся шары, переливаясь, как мыльные пузыри в детском сне.

Я села. Вокруг была река — широкая, тёмная, медленная. Но набережные... Это не были гранитные набережные Невы. Это были причудливые здания из чёрного камня и чего-то, что светилось изнутри мягким синим светом. Мосты — ажурные, невесомые.

И народ. О, Боже... Толпы людей в одеждах из струящихся тканей, в мехах зверей, которых я и представить не могла. Музыка витала в воздухе — мелодичная, но с какими-то диковинными переливами. Всюду огни, смех, звон.

Праздник. Здесь был зимний праздник. Но какой-то... иной.

Я встала на ноги, пошатываясь. Моё мокрое, грубое платье и поношенный платок казались здесь диким анахронизмом, костюмом нищенки из другого времени. На меня смот-

рели, но не с жалостью или любопытством петербуржцев. Смотрели бегло, равнодушно, как на что-то незначительное, случайно выброшенное рекой.

Я подошла к воде, к тёмной глади, отражавшей тысячи огней. В отражении увидела своё лицо: бледное, перепуганное, с мокрыми прядями волос. И родинку у глаза. Она, моя кофейная метка, в этом чужом свете... будто слабо мерцала.

До меня донеслись обрывки речи. Я не знала этого языка. Звуки были странными, певучими, с шипящими и гортанными нотками. Но я поняла их. Поняла, как понимаю русский.

«...полнолуние Туманных Врат!...»

«...говорят, князь Морвин сегодня покажется народу...»

Я обхватила себя руками. Дрожь шла изнутри, от самого сердца. Это был не сон. Слишком ярк холод камней под босыми ногами (куда делись мои коньки?), слишком остры запахи, слишком реальна паника, сжимающая горло.

Я утонула в пруду Петербурга в 1837 году.

А проснулась... где?

Над этим странным городом, в лиловом небе, висела огромная, пугающе близкая луна. Она была здесь не белой, а цвета золота. И на её диске было тёмное пятно. Совершенно чёткое. Почти как... родинка.

Глава 2: Начиная с Чистого Листа

«Запись пятая. Чья-то рука, чужой голос, и лицо из прошлого».

Я сидела на мокрых камнях, трясаясь от холода и пытаюсь осмыслить, где я и как из этого выбраться. Мысли путались, как мокрые волосы на лице. Вдруг над головой мелькнула тень.

— Эй, дорогуша! Давай-ка руку, а то совсем зачоченеешь.

Я вздрогнула и подняла взгляд. Над краем набережной склонилась девушка — ненамного старше меня, в простом, но чистом платье из тёмно-зелёной шерсти, с озабоченным выражением на лице. Её рука, сильная от физической работы, была протянута ко мне.

Я, не думая, ухватилась за неё. Она легко, почти без усилий, вытянула меня на твёрдую мостовую. Я стояла, капая на камни, чувствуя себя абсолютно потерянной.

— Спасибо... — прошептала я, но мою благодарность перекрыли грубые голоса.

— Стой! Ни с места!

К нам быстрым, чётким шагом подошли двое мужчин в форме — тёмно-серые плащи, нагрудники из чёрной кожи, на поясах — странные изогнутые клинки. На их рукавах была вышита серебряная змея, кусающая себя за хвост. Стражники? Полиция?

— Ваши документы, — отрывисто сказал тот, что повыше, оценивающе оглядывая мою фигуру.

У меня все похолодело внутри. Документы? Мой вид был документом сам за себя — я не принадлежу этому месту. Я открыла рот, не зная, что сказать.

— Она... она со мной, — вдруг сказала девушка, вытянув из складок платья небольшую кожаную бирку на шнурке. — Я, Лидия Ворон, портниха с Улицы Прядильщиков. Она моя... новая помощница. Прибыла из дальних деревень. Документы ещё в пути.

Стражник взял бирку, изучил, потом снова посмотрел на меня. Его взгляд был холодным и недоверчивым.

— У неё нет даже отличительного знака. И вид... подозрительный. Все пловцы из Иного мира проходят через карантин и регистрацию в Приёмной Башне.

— Ну какой из неё пловец? Я вас умоляю!

Моё сердце забилося так, что я услышала его стук в ушах. Карантин? Приёмная Башня? Это что ещё такое?

И тут я взгляделась в лицо девушки, которая назвалась Лидией Ворон. Что-то в овале лица, в поставе головы... Серые глаза под тёмными бровями.

Внезапно, как удар обухом по голове, память всколыхнула картинку из моего детства. Другой платок, другое платье, смех на школьном дворе.

— ...Лида? — вырвалось у меня, голос дрогнул. — Лида Соколова?

Её глаза расширились. Она пристально, пронзительно посмотрела на меня, будто пытаюсь увидеть сквозь годы и этот жалкий, мокрый вид. Потом её лицо вспыхнуло узнаванием.

— Таня? Таня Григорьева? Боже правый... — она ахнула, схватила меня за руку. — Стражники, прошу вас, это моя... моя давно потерянная родственница из-за границы! Я ручаюсь за неё! Я оформлю все бумаги, все налоги! Прошу, дайте мне её забрать, она же мокрая до нитки, заболит!

Стражники переглянулись. Видимо, искренний шок и вежливость Лиды подействовали. Высокий буркнул:

— У тебя трое суток, чтобы зарегистрировать её в квартальной конторе. Без документов — в карантин. И чтоб по улицам одна не шлялась.

— Конечно, конечно! Спасибо! — Лида почти поклонилась, затем крепко обхватила мою руку и потащила за собой в сторону узких переулков, подальше от ярких огней набережной.

Я шла, как в тумане, спотыкаясь. Лида Соколова... Моя школьная подруга. Её отец, мелкий чиновник, внезапно получил какое-то выгодное назначение, и всю семью буквально в неделю перевели... Куда? Никто толком не знал. Писем не было. Все решили, что они уехали куда-то в Сибирь или на юг и там пропали. А она... здесь. В этом странном городе вечных сумерек.

Мы свернули в подворотню, поднялись по тёмной, крутой лестнице в трёхэтажный дом из тёмного кирпича. Лида от-

перла дверь, втокнула меня внутрь и, прислонившись спиной к косяку, выдохнула:

— Вот чёрт... Таня... Я не верю своим глазам.

Я тоже не верила. Комната была небольшая, но уютная. Печка, стол, кровать, сундук. На столе — лампа с матовым стеклом, дающая мягкий свет. За окном, в проёме между крышами, висело то самое лиловое небо с золотой луной.

— Лида, что это за место? Как ты здесь оказалась? — заговорила я первая, голос всё ещё дрожал. — Если ты здесь, то... — во мне вспыхнула дикая, безумная надежда. — Мои родители? Они могли тоже...?

Лида покачала головой, и её взгляд стал печальным. Она подошла к печке, начала растапливать.

— Нет, Тань. Не думаю, что они тоже здесь. Я попала сюда... особым путём. Но давай по порядку. Сначала ты. Ты промёрзла насквозь.

Она дала мне большое полотенце и чистое, простое платье, похожее на её собственное. Пока я переодевалась за ширмой, она говорила, и слова её медленно складывались в картину этого мира.

Город — Аддермур. Столица Восьми Графств. Раньше, объясняла Лида, границы между Графствами были закрыты вечными туманами и дождями. А потом, несколько лет назад, туманы... отступили. Их развеяла какая-то влиятельная баронесса Лорелей из Дэсмур, вместе с последним жнецом этих земель. Люди обрадовались, решили, что настала эра

свободы, стали уходить из своих домов, исследовать другие земли.

— Но это была ловушка, — голос Лиды понизился. — Как только баронесса и последний жнец сами покинули Дэсмур, на границах опустился... не туман. Ночь. Вечная ночь. А из этой ночи вышли чудовища. Все, кто ушёл за пределы своих графств, исчезли. А на рассвете мы увидели, что границы каждого графства теперь отгорожены смертоносным туманом. Не войти, не выйти. В Аддермуре как раз проходил сезонный бал, и весь Совет Восьми был здесь. Так город и стал столицей — все правители застряли в нём. Теперь мы живем в вечных сумерках на краю, понимаешь? Мы здесь в ловушке.

Я слушала, и ужас медленно сменялся любопытством. Восемь Графств. Совет 8. Туман. Чудовища. Это было похоже на сказку, самую мрачную из тех, что я слышала.

— А... как ты выжила здесь? — спросила я.

— Отец устроился писцом в канцелярию Совета, — Лида пожалала плечами. — Мать умерла в первый же год. От тоски, думаю. Отец спился. А я научилась шить. Живу. Выживаю по-тихоньку.

Она указала на маленькую дверцу в стене.

— Там умывальник. Сходи, приведи себя в порядок. Потом поужинаем.

Я кивнула и прошла в крошечную каморку с медным тазом и насосом. Подкачала воду. Она была тёплой, видимо,

от печки. Я смыла с себя речную тину и пот, ощущая, как напряжение немного отпускает. Потом подошла к маленькому зеркалу в оловянной раме, чтобы пригладить волосы.

И замерла.

Я пристально взгляделась в своё отражение. Лицо было моим — те же серо-зелёные глаза, тот же прямой нос, те же губы, что всегда складывались в саркастичную усмешку. Но...

Я провела пальцем по коже щеки, там, где всегда была небольшая, едва заметная родинка. Её не было. Я схватила левую руку, повернула запястье. Там, где Клин целовал вчера «поцелуй из прошлой жизни»... Но кожа была идеально чистой, без единого пятнышка. Я судорожно ощупала шею, плечи. Ничего. Все мои привычные, маленькие метки, часть меня, моей истории, моего тела — исчезли. Кожа была безупречной. И от этого она казалась чужой.

Это был не просто физический факт. Это было потрясение. Будто вместе с родинками у меня стёрли часть моей души. Ту самую, на которую ссылался Клин. Связь с прошлыми жизнями, если верить его чепухе. А если не чепуха? Если это что-то да значит?

Я вышла из каморки, бледная.

— Лида, — сказала я тихо. — Мои родинки... они все пропали.

Она взглянула на меня, и в её глазах мелькнуло понимание.

— Да. Так бывает с теми, кого река приносит. Ты теперь...

чистый лист. Ни меток судьбы, ни кармических долгов. Ничего. Для здешних властей и церкви это может быть опасно. Ты не вписана ни в одну из их книг.

— Мне нужно понять, что это значит, — сказала я уже твёрже. Внутри загоралось знакомое упрямство. Если уж я попала в этот ад, то буду разбираться.

— Понять можно. Но ценная информация, книги по метафизике, пересечениям миров — всё это под замком. Лучшая библиотека — в башне Ордена Дахмы. А самые особые, запретные тома хранятся во дворце Совета Восьми. Туда не пускают никого, кроме высших жрецов и самих членов Совета.

Орден Дахмы... Я вспомнила холодных стражников со змеёй на рукаве. Значит, это они.

Мы сели ужинать. Лида налила похлёбку из какой-то местной крупы и корнеплодов, пахнувшую травами, которых я не знала. Я рассказала ей свою историю. Всё. И про тётку, и про коньки, и про Клина, и про его слова о родинках, и про мальчика на льду, и про падение. Говорила сжато, без эмоций, как отчитываюсь. Так было легче.

Лида слушала, не перебивая. Когда я закончила, она долго молчала.

— Значит, твой «поцелуй» на запястье... был знаком. А теперь его нет, — проговорила она наконец. — И мальчик тот... странный. Он мог быть проводником. Или предупреждением.

— Мне нужно попасть в ту библиотеку, Лида. В Башню Ордена. Или... — я задумалась. — Во дворец Совета. Узнать, можно ли мне вернуться обратно.

— В Башню Ордена попасть проще, — сказала Лида. — Там всегда нужны уборщицы, переписчицы, разносчики бумаг. Работа тяжёлая, платят мало, зато пропуск дают. А там... может, и до книг удастся добраться. Я спрошу завтра у знакомой, она в прачечной при Башне работает.

Идея засела во мне, как заноза. Уборщица. Опять... Но теперь это был не тупик, а путь. Путь к ответам.

— А во дворец Совета? — спросила я.

Лида покачала головой, её лицо стало серьёзным.

— Забудь про него. Это не место для нас. Говорят, там творятся вещи, от которых волосы седеют. И охраняют его не просто стражники. Там что-то... другое. Лучше даже не думать об этом.

Я кивнула, доедая похлёбку. Но внутри уже зрело решение. Я всегда была любопытной. И всегда умела пролезать туда, куда не следовало. Если уж судьба забросила меня в мир вечных сумерек, туманов и чудовищ, то сидеть сложа руки и шить платья я не буду.

Я буду искать. Даже если для этого придётся подмести все полы в библиотеке Совета Восьми. Или найти способ заглянуть во дворец, от которого все советуют бежать.

Я посмотрела на свои чистые, без единой отметины руки. «Чистый лист», сказала Лида. Что ж. Значит, на этом листе

я напишу свою историю сама.

Глава 3: Ткань из Лжи и Шёлка

Я просыпалась каждое утро от странного гула — не городского шума, а низкого, почти неслышного гула, будто сам камень, из которого был построен Аддермур, по ночам стонал. Лида объяснила: это поёт туман, обнимающий стены города.

Мои дни теперь состояли из уроков. Лида оказалась терпеливой, но строгой учительницей.

«Восемь Графств, — говорила она, чертя углём на грифельной доске схему, похожую на паука. — Аддермур — здесь, в центре. Раньше столицей был Дэсмур, на севере. Но после Дня Чёрного Солнца...»

День Чёрного Солнца. Катастрофа, о которой говорили шёпотом даже здесь, в относительной безопасности новой столицы. Лида описывала его скупой: небо почернело, солнце стало чёрным диском, из Дэсмур хлынул туман — не тот, что был раньше, а живой, ядовитый, рождающий чудовищ. Дэсмур пал. Теперь это царство мрака, куда не ступала нога человека.

«Теперь здесь правит Совет Восьми, — продолжала Лида. — Вернее, будет править. Формально главный — князь Морвин, но ему всего двадцать шесть. Он взойдёт на престол через два года, когда ему исполнится двадцать восемь. А пока все решения принимает Совет. Законы, правила, ограничения...»

Она произнесла последнее слово с особой горечью. Ограничения. Их было множество: комендантский час с полуночи до рассвета (хотя рассвета здесь не было, лишь смена оттенков ночи), запрет на вопросы о природе тумана, обязательная регистрация любого пришлого, строжайший контроль за магией и знаниями.

— А за исполнением следят они, — Лида кивнула в сторону окна, за которым в сумерках мелькнула серая тень стража с эмблемой змеи. — Орден Дахмы. Их башня — самое высокое здание в городе после шпиля дворца Совета.

Мы сидели за столом, и я разглядывала карту города, которую Лида нарисовала по памяти. Башня Дахмы возвышалась над кварталом чиновников, мрачная игла, вонзенная в лиловое небо.

— Отбор там жёсткий, — предупредила Лида. — Берут только по рекомендациям, после проверки на благонадёжность трёх поколений. Или... — она запнулась.

— Или?

— Или за огромные деньги. Или по особому приказу сверху. У тебя нет ни того, ни другого, Тань.

Я провела пальцем по линии, ведущей к Башне.

— Значит, нужно найти другой путь.

— Другой путь — это дворец Совета. Туда проще. Я договорилась: завтра ты можешь попробовать устроиться в библиотеку при дворце. Нужны руки для переплетения старых фолиантов. Работа пыльная, но тебя допустят в залы. Хоро-

шо же?

Библиотека при дворце?... Не то, что я хотела, но уже начало. Однако мысль о Башне Дахмы, о тех запретных томах, что, по словам Лиды, хранились именно там, не давала покоя. Если где и были ответы о пересечении миров, о «чистых листах» вроде меня — то там.

— Мне нужно имя, — сказала я вдруг, отрывая взгляд от карты. — Ты сказала, с моим именем здесь никого нет. Оно... выдаст меня.

Лида кивла.

— Правильно думаешь. «Таня» звучит чуждо здесь. Тебе нужно имя из нашего мира. Аддермурское.

Так мы отправились на прогулку — мой первый настоящий выход в город не в качестве беженки, а как потенциальная горожанка. Лида вела меня по узким, извилистым улочкам Аддермура. Воздух был прохладным и влажным, пахнущим дымом из труб домов. Фонари, заправленные бледно-голубым светящимся пламенем, отбрасывали тени на стены из темного, почти черного камня.

Мы зашли в лавку ткачихи — скромное место в квартале ремесленников. Хозяйка, дородная женщина с глазами, как у совы, окинула меня оценивающим взглядом.

— Новенькая? Из какого Графства?

— Из-за тумана, — быстро сказала Лида. — Моя родня. Нужен приличный наряд для... представления в канцелярию.

Хозяйка что-то пробормотала, но полезла за тканью. Пока она выбирала, Лида тихо говорила мне о местных именах.

— Женские часто заканчиваются на «-ра», «-на» или «-лин». Или их берут из природы: Лиана, Эльмира, Серафина...

Я молча перебирала варианты, глядя на своё отражение в потускневшем зеркале. Лицо без родинок казалось кукольным, ненастоящим. Мне нужно было имя, которое станет мне почти родным. Что-то, что запомнится.

— Кассандра, — пробормотала я про себя. Слишком трагично. Элинора... нет. Аэлин?

— Аэлин, — повторила Лида, оборачиваясь, будто прочитав мои мысли. — Это... с древнего наречия. Свет тумана. Или «рождённая в тумане». Ирония, да?

Ирония. Да. Мне понравилось. Я, утонувшая в ледяной воде и вынырнувшая в этом туманном городе. Рождённая в тумане.

— Аэлин, — сказала я уже громче, пробуя имя на вкус. Оно было мелодичным, чужим, но лежало на языке легко. — Да. Пусть будет Аэлин.

Хозяйка вынесла платье. Не мое серое, грубое, оттенка — глубокого индиго, с тонкой серебряной вышивкой по подолу и рукавам, имитирующей звёздную россыпь. Простое, но элегантное. Когда я надела его и вышла из-за ширмы, Лида замерла.

— Боги... — выдохнула она. — Таня... Аэлин. Ты...

Хозяйка присвистнула.

— Красотка вышла, ничего не скажу! С таким лицом да фигурой можно и не в канцелярию, а напрямиком на аудиенцию к самому князю метить. Если, конечно, нравятся ему такие... свеженькие.

В её голосе прозвучало что-то неприятное, намёк, который я не поняла, но Лида нахмурилась.

— Спасибо, хозяйка. Сколько с нас?

На улице, когда мы вышли, Лида взяла меня под руку.

— Запомни, — сказала она тихо, но сурово. — Здесь твоя красота — и преимущество, и опасность. Мужчины в силе... они привыкли брать то, что им нравится. А ты теперь будешь самой красивой девушкой в графстве, я в этом уверена. Будь осторожна. Хорошо?

Я кивнула, но в душе что-то ёкнуло. Преимущество. Да, возможно. Красоту можно использовать. Как я использовала ловкость на льду, чтобы обойти более сильных соперниц. Это была игра, а я училась играть с детства.

На следующий день я стояла у дверей библиотеки дворца Совета. Здание было монументальным, из того же чёрного камня, но с огромными витражами, изображавшими аллегории Восьми Графств. Стражник пропустил меня после проверки подложной рекомендации, которую Лида достала через знакомого писаря.

Внутри пахло пылью и старым пергаментом. Главный библиотекарь, сухонький старичок с глазами, похожими на изю-

минки, осмотрел меня поверх очков.

— Аэлин, да? Работа простая: вот эти фолианты нужно очистить от пыли, подклеить корешки. Не прикасаться к текстам, не пытаться читать. Большинство написано на языках, которые тебе всё равно не понять. Понятно?

Я кивнула, опустив глаза. Весь день я провела, тихо работая в дальнем углу, но глаза и память работали быстрее рук. Я запоминала расположение залов, выделяла, куда уносили самые старые, самые потертые книги — в глубину библиотеки, за железную решётку с замком. Туда, куда простым переплетчицам хода не было.

Но я также заметила, как некоторые служители — не библиотекари, а люди в серых мантиях с той же змеёй Дахмы — приходили и уносили отдельные тома, предъявляя какие-то пропуска. Они направлялись не вглубь дворца, а выходили через боковую дверь, ведущую, как я позже узнала, прямо к мосту, соединяющему дворец с Башней Дахмы.

Идея созрела к концу недели. Слишком простая, почти наивная. Я украла со стола одного из писцов бланк с печатью канцелярии Совета. Лида, дрожащими руками, подделала на нём текст: «Предписание о временном изъятии фолианта „Хроники Межмирьевых Пересечений“ для сверки в Архиве Ордена Дахмы. По поручению Советника Торана». Имя советника я выбрала наугад, услышав его в разговоре двух клерков.

На следующий день, пока сердце колотилось так, будто хо-

тело вырваться из груди, я направилась к железной решётке. Стража там не было — только старый привратник, дремлющий на табурете.

— Предписание, — сказала я, стараясь, чтобы голос не выдал меня, и протянула бланк.

Он лениво взглянул, почти не глядя, кивнул к тяжелым дверям за решёткой.

— Там, в третьем ряду слева, скорее всего. Возвращай до заката.

И страж отпер решётку. Я вошла в святая святых — архив запретного фонда. Воздух здесь был другим — холодным, мертвым. Полки уходили ввысь, теряясь в темноте. Я нашла нужный фолиант — огромный, в кожаном переплёте, окованном железом. С трудом сняла его с полки.

Именно в этот момент в архив вошли двое. Не служители. Дахмийцы. В серых мантиях, с капюшонами, накинутыми на головы. Они остановились, увидев меня.

— Кто ты? — голос одного был беззвучным, шипящим, будто змеиный.

Я показала бланк.

— Предписание... из канцелярии. Для сверки...

Один из них взял бланк, изучил. Его рука, когда он протянул её, была слишком бледной, почти белой, с синими прожилками.

— Печать поддельная, — произнёс он без эмоций. — И советник Торан в отъезде. Кто ты?

У меня похолодело внутри. Глупо. Так глупо. Я отступила на шаг, но они были быстрее. Один схватил меня за руку. Его прикосновение было ледяным.

— Шпионка? Любопытная из простонародья? — зашипел второй. — За такое карают публичной поркой и клеймом. А то и отправкой в рудники Дэсмур. Знала об этом?

— Н-нет.

— Теперь знаешь.

Меня выволокли из архива, через библиотеку, к ужасу и молчаливому любопытству других служителей. Главный библиотекарь смотрел на меня с жалостью и страхом. Меня повели к выходу, к главным дверям, за которыми меня уже ждала совсем незавидная участь.

И вот тогда я увидела его.

Он стоял у одного из высоких окон, наблюдая за суетой на площади. Мужчина лет тридцати пяти, в богатом, но не вычурном камзоле темно-бордового цвета, с лицом, которое можно было назвать привлекательным, если бы не выражение пресыщенной скуки. Его глаза, цвета корицы, скользнули по нашей группе и остановились на мне.

На моём лице, искажённом от страха, на моих глазах, широко открытых. На моём новом платье, которое выгодно оттеняло бледность кожи и темные волосы.

Незнакомец неожиданно поднял руку. Простой жест, но дахмийцы замерли как вкопанные.

— В чём дело? — его голос был бархатным, спокойным.

— Лорд Вигорн, — один из дахмийцев поклонился. — Эта девушка пыталась по поддельному предписанию изъять запретный фолиант.

Лорд Вигорн... Член Совета Восьми? Чиновник высокого ранга?

Он медленно подошёл ближе. Его взгляд все ещё скользил по мне, изучающе, оценивающе. И в этом взгляде не было ни гнева, ни осуждения. Было... любопытство.

— Как тебя зовут, дитя? — спросил он мягко.

— Аэлин, — прошептала я, ненавидя дрожь в своём голосе.

— Аэлин... — он повторил. — И что же ты искала в запретном фонде, прекрасная Аэлин? Знания? Или приключений?

Я заставила себя поднять подбородок.

— Знания, мой лорд. О... пересечениях миров. О тех, кого приносит река.

Его брови чуть приподнялись.

— Пловцов из Иного мира? Интересно... И рискнула многим ради любопытства.

Он повернулся к дахмийцам.

— Оставьте её. Я беру ответственность на себя.

— Но, лорд, правила...

— Я знаю правила лучше вас. Идите.

Они покорно ушли. Лорд Вигорн предложил мне руку.

— Пройдёмся? Ты явно нуждаешься в свежем воздухе. И

в объяснениях.

Он повёл меня не на площадь, а в тихий внутренний сад дворца, где среди черных роз бился фонтан с водой цвета серебра. Мы сели на скамью.

— Ты не первая, кого река принесла, — сказал он без предисловий, сразу догадавшись зачем мне книги. — Но ты... особенная. Без меток. Чистая. И красивая. Красивая настолько, что твоя дерзость кажется не преступлением, а... очаровательным недостатком.

Мне стало не по себе от его тона, от того, как его глаза ползали по мне.

— Я просто хотела понять, — сказала я, глядя на воду фонтана.

— Понимание здесь — привилегия, Аэлин. Привилегия, которую даёт статус. Или покровительство. Он помолчал. — Ты хочешь попасть в Башню Дахмы? В их архив? Это возможно. У меня есть доступ. Я могу стать твоим покровителем.

Я посмотрела на него с подозрением.

— Что это значит?

— Это значит, — Вигорн улыбнулся, и в его улыбке была уверенность хищника, — что я оформлю тебя как свою личную исследовательницу. Дам тебе пропуск. Защиту. Всё, что пожелаешь... — Он наклонился ближе, и я почувствовала запах дорогого вина и чего-то пряного, пьянящего. — ...взамен на регулярные встречи. Беседы. Возможность лю-

боваться твоей красотой.

Тошнота подкатила к моему горлу. Он покупал меня. Как вещь.

— Мне... нужно подумать, — выдавила я.

— Конечно, — он кивнул, как будто и ожидал этого.

— Подумай. Но знай: завтра твоя подделка станет известна начальнику стражи. Без моего покровительства тебя ждёт клеймо на лоб и каторга. А с ним... — Он снова улыбнулся. — С ним тебе откроются все двери. Все книги. Все тайны. Я отвезу тебя домой. Где ты живешь?

Я назвала ему адрес Лиды. Он проводил меня к закрытой карете, запряженной странными существами, похожими на лошадей, но с перьями вместо шерсти. Всю дорогу он молча смотрел на меня, любовался.

У дома Лиды он взял мою руку и поцеловал её.

— До завтра, Аэлин. Я буду ждать твоего ответа. Надеюсь, он будет разумным».

Когда карета уехала, я стояла, провожая ее взглядом. Лида выскочила на улицу, бледная как полотно.

— Боги, что случилось? Я слышала...

— Он предложил сделку, — перебила я её. — Его покровительство. В обмен на меня.

Лида с ужасом закрыла глаза.

— Вигорн. Он известен. У него... коллекция.

— Коллекция?

— Красивых девушек. Недолговечных. Говорят, он...

увлекается. И не все выдерживают его увлечений. Но он могуществен. Если он заступится...

— Я знаю, — прошептала я. — Это опасно. Но через него я смогу попасть в библиотеку Дахмы. К тем самым книгам.

Лида смотрела на меня с ужасом.

— Таня... Аэлин. Это не игра в кошки-мышки на льду. Здесь проигрыш может стоить тебе не просто места, а... всего.

— Я знаю. Но у меня нет выбора. Или я использую его, или меня сломают. Я подумаю. И завтра дам ему ответ.

Мы поднялись в дом. Я смотрела в потускневшее зеркало на лицо без родинок, на лицо Аэлин. Чистый лист... На нём предстояло написать историю, используя чернила из лжи и чужого влияния. И я была готова начать.

МОРВИН

Дворец Совета Восьми

Три часа ночи. Я лежу в своей постели, весь в поту.

На простынях кровь. Она снова убежала, рыдая. Боже, как я ненавижу этот вечный вой, эти мольбы. Не моя же вина, что нам нравится не одно и то же. Совсем нет.

Я поднялся, босые ноги коснулись холодного каменного пола. В покоях царил полумрак, лишь в камине потрескивали угли, отбрасывая жалкие тени на стены, увешанные гобеленами с изображением падения Дэсмур. Я подошёл к умывальнику, плеснул ледяной воды из серебряного таза на ли-

цо, на шею. Вода смешалась с кровью и чужими слезами, потекла розоватыми ручейками по рукам.

Она была третьей за этот месяц. Дочь какого-то графа из западных земель, с глазами как у испуганной лани и тонкой талией, которую так легко... Сломать, если сжать пальцы чуть сильнее. И та же история: сначала пленялась моим статусом, моим лицом (они говорят, я красив, я не вижу этого, но верю им на слово). А потом, когда я показывал им, что кроется за их картинкой... они начинали плакать. Умолять остановиться. Смотреть на меня с ужасом.

Отвратительно. Их страх был сладок, как тяжёлое вино, и послевкусие оставляло горечь пустоты. Они любили не меня. Они любили идею. Князя. Будущего правителя. А я... я был просто слепцом с пустотой в груди, который находил краткое утешение только в острых ощущениях, в хрусте, в криках, в полном контроле над чужой болью. Это была единственная реальность, которая пробивалась сквозь пелену моей слепоты, единственное, что заставляло меня чувствовать себя живым, а не просто сосудом для тумана.

Я отошёл от умывальника, подошёл к огромному зеркалу в позолоченной раме. Моё отражение было размытым пятном света и теней для моих глаз, но я знал каждую черту. Худое лицо, тёмные, почти чёрные волосы, всегда чуть влажные, как после тумана. Губы, которые, как говорят, способны сложиться в чарующую улыбку. И повязка. Всегда повязка на глазах. Из чёрного шелка, вышитая серебряным Уро-

боросом. Она никогда не снималась. Под ней — не глаза, а шрамы от ритуала, и дар, который был проклятием. Я видел потоки власти, связи между людьми, нити интриг, тянущиеся по всему дворцу. Видел страх в ауре той, что только что убежала из моих покоев. Видел алчность в ауре моих советников. Видел холодное, мёртвое сияние дахмийцев.

И всё это бесило. Всё.

Я ненавидел эту игру во власть. Ненавидел заседания Совета, где старые гиены в человеческом облике грызлись из-за клочков влияния, прикрываясь благими намерениями. Ненавидел необходимость быть марионеткой, пусть и привилегированной, в их руках до своего восхождения. Ненавидел туман, что душил город, и туман, что клубился у меня внутри вместо сердца.

Я ударил кулаком по столу. Серебряный кубок с недопитым вином подпрыгнул, упал, зазвенев. В дверь тут же постучали.

— Войдите, — пробормотал я, не оборачиваясь.

Вошел мой камердинер, старый Горан. Он молча поднял кубок, вытер пролитое вино.

— Привести в порядок покои, милорд? — его голос был безразличным, как у того, кто видел всё и уже ничему не удивлялся.

— Да. И чтобы больше её ко мне не допускали. Скажи, что... я в отъезде. Или болен. Неважно.

— Слушаюсь.

Он принялся собирать разбросанную одежду, смятую постель. Его аура была ровной, серой, как у старого дерева. Ни страха, ни осуждения, ни даже любопытства. Профессионализм. Единственное, что я мог терпеть.

— Горан.

— Милорд?

— Что сегодня за день?

— День Полной Луны, милорд. Вечером представление народу на Западном балконе. Затем приём в Мраморном зале. Советник Вигорн просил аудиенции по личному вопросу.

Вигорн. Алая, удушающая аура честолюбия и похоти. Интересно, какую новую игрушку он нашёл для своей коллекции на этот раз.

— Хорошо. Готовь одежду. И... принеси мне дозу синего лотоса.

Горан едва заметно вздохнул. Синий лотос — дурман, редкий и опасный. Он притуплял моё «зрение», заглушал шум чужих душ, давал несколько часов тупого, бездумного покоя.

— Милорд, но лекарь говорил...

— Принеси, Горан.

Он поклонился и вышел. Я остался один в полутьме. Подошёл к окну, распахнул его. Холодный, туманный воздух ворвался в комнату. Внизу, в городе, мерцали огни. Где-то там была та девушка, что только что убежала. Где-то там были тысячи других, которые мечтали оказаться на её месте.

Где-то там был Вигорн со своими планами. И где-то там, в глубине подвалов Башни Дахмы, спало в шкатулке моё сердце.

Я ненавидел всё это. Но это было моё. Моя тюрьма. Моё царство. И скоро, когда мне исполнится двадцать восемь, я стану его полноправным хозяином. А до тех пор... до тех пор я буду искать острых ощущений, чтобы заглушить пустоту.

И тогда, возможно, игра обретёт смысл.

Горан вошёл с маленькой хрустальной флаконкой, в которой переливалась лазурная жидкость. Я взял её, поднёс к губам.

Завтра. Завтра снова советы, интриги. А сегодня... сегодня будет тишина.

Я опрокинул флакон. Холодная сладость разлилась по горлу, и мир начал терять резкие очертания, краски аур бледнеть, сливаться в безразличную серую дымку.

Я снова лёг на уже свежие простыни, уставившись в потолок, которого не видел, и слушая, как за окном поёт туман. Песнь тюремщика. Моя песня.

Глава 4: Игра в Тени

ТАНЯ

Воздух в будуаре лорда Вигорна был затхлым от аромата амбры. Я стояла перед зеркалом в трёхстворчатой раме, пока горничная затягивала шнуровку моего нового платья. Алый шёлк, чёрное кружево, черный жемчуг — наряд стоил больше, чем Лида зарабатывала за год.

— Нравится, моя жемчужина? — голос Вигорна прозвучал сзади меня. Он вошёл бесшумно, как всегда. В зеркале я увидела его отражение: ухоженный, в бархатном камзоле, с лёгкой улыбкой на губах. Но глаза — глаза оставались холодными, оценивающими, как у коллекционера. Про него ходило много слухов по Аддермуру. Вигорн был знатным холостяком и каждый месяц у него появлялась новая подруга. Но мне было все равно. Не он меня интересовал, а его влияние. И куда оно мне откроет двери.

— Восхитительно, — ответила я, заставляя губы сложиться в подобие улыбки. — Я никогда не носила ничего подобного.

— Ты будешь носить ещё более прекрасное, — он подошёл ближе, положил руки мне на плечи. Его пальцы были тёплыми, но прикосновение заставляло меня внутренне содрогаться. — Сегодня твой первый выход в свет со мной. Обед в Изумрудном зале. Там будут важные люди. Ты долж-

на произвести впечатление. И произведешь, я уверен. Такой красоты не видело ни одно туманное графство.

— Какое именно впечатление я должна произвести, мой лорд? — я повернулась к нему, сохраняя дружелюбное лицо.

— Какое?... Что я нашал редкий алмаз, — Вигорн провёл пальцем по моей щеке. — Красивый, блестящий и... послушный. Ты ведь будешь послушной, Аэлин?

— В пределах разумного, — ответила я, и в моём голосе прозвучала та самая дерзкая нотка, что, кажется, и привлекала его. Он рассмеялся, поправляя кончики своих аккуратных усов.

— Вот за это я тебя и ценю. Идём. Карета уже ждёт.

Изумрудный зал дворца Совета был огромным помещением с мраморными колоннами и витражами, изображавшими мифических зверей. Столы ломились от яств: жареные птицы с позолоченными клювами, пироги в форме замков, фрукты, сияющие, как драгоценности. Воздух гудел от разговоров, смеха, звона бокалов.

Наше появление вызвало волну шёпота. Я шла рядом с Вигорном, чувствуя на себе сотни взглядов — любопытных, оценивающих. Я специально не обращала на это внимания, спокойно сопровождая лорда.

— Лорд Вигорн! Кого это Вы привели? Новая протезе? — к нам подошла дама лет сорока в платье из лилового бархата, с лицом, как у хищной птицы.

— Леди Камелия, позвольте представить: Аэлин, моя...

воспитанница из дальних земель.

— Воспитанница, — леди Камелия расплылась в улыбку, но глаза остались враждебными. — Какая прелесть. И такая... экзотическая внешность.

— Аэлин очень хороша собой, это правда, — высказался Вигорн, — Была бы она местной, все бы её уже здесь знали за такую красоту...

— Ах, так девушка не из Аддермура?

— Вам же сказали, что я из дальних земель, — я не выдержала, встретившись с леди Камелией взглядом.

Наступила пауза. Вигорн слегка сжал мой локоть. Леди Камелия вспыхнула, но быстро взяла себя в руки.

— Конечно. Наверное, из таких дальних земель, где воспитанность ограничивается острым язычком.

— В этом Вы можете не сомневаться, дорогая моя, — ответил за меня Вигорн, уводя меня прочь.

Обед прошёл в бесконечных беседах, полных намёков и двусмысленностей. Я мало говорила, больше наблюдала, запоминая лица, имена, связи. Но когда подали десерт, мне понадобилось отлучиться — не столько по нужде, сколько чтобы перевести дух.

В уборной, огромной комнате с зеркалами в позолоченных рамах, я столкнулась с тремя дамами — той самой леди Камелией и двумя её спутницами помоложе. Они обсуждали кого-то из придворных, но замолчали, увидев меня.

— О, смотрите, самая прекрасная из далеких земель сама

пришла, — сказала одна из молодых, девушка с кудрями. — Интересно, лорд Вигорн уже ищет ей замену?

— Сана, не груби, — сказала леди Камелия, но в её голосе не было упрёка. — Девушка, должно быть, и так смущена. Она ведь понятия не имеет, как себя вести в приличном обществе.

Я усмехнулась про себя и подошла к умывальнику, набрала воды в серебряную чашу.

— Вы правы, миледи. В обществе, где за спиной говорят гадости, а в лицо улыбаются, мне действительно трудно сориентироваться. В моих краях лицемерие — не такое изощрённое искусство.

Сана ахнула. Леди Камелия жала губы.

— Ах, ты... Да ты здесь только благодаря тому, что притащилась с Вигорном. Как ты смеешь мне что-то говорить о манерах!

— С тем же успехом, с которым Вы смеете судить меня, не зная ни моего происхождения, ни моего характера, — я вытерла руки и повернулась к ним. — Но я понимаю. Я — новое украшение в коллекции влиятельного мужчины. Вы боитесь, что я отниму ваше внимание, ваше влияние. Не бойтесь. Мои интересы лежат... в других сферах.

— Ох, у неё и свои сферы есть, — язвительно протянула вторая молодая дама. — Наверное, геометрию изучала в своей деревне.

— Астрологию, — поправила я её, улыбаясь. — И пред-

сказания по звёздам. Например, я вижу, что у Вас, дорогая, в ближайшее время будут проблемы с женихом. Он, кажется, увлекается... игрой в карты. И не только.

Девушка побледнела как по щелчку пальцев — я угадала, заметив её нервный взгляд на молодого офицера за обеденным столом ещё несколько часов назад, который явно проигрывал крупную сумму.

— Уходим, девочки, — холодно сказала леди Камелия. — Здесь явно пахнет... плебейской наглостью.

Они удалились, бросив на меня последние ядовитые взгляды.

Я осталась одна, глядя на своё отражение. Что ж... Врагов я уже себе нажила в этом мире. Как же быстро это делается...

После обеда Вигорн предложил прогулку. Мы вышли в сады дворца — тенистые аллеи, где светились бледно-голубые цветы, а фонтаны били серебряной водой. Он шёл рядом со мной по тенистой аллее, задумчивый.

— Ты была сегодня великолепна, Аэлин, — сказал он наконец. — И остроумна. Но Леди Камелия теперь твой враг. И у неё длинные руки.

— А у меня есть Вы, — ответила я, играя свою роль. — Разве не Вы обещали мне защиту?

— Обещал. Но я хочу знать, что защищаю. Расскажешь мне о себе? По-настоящему. Откуда ты?

Я уже заранее подготовила историю с Лидой — я сирота

из далёкого горного селения, где туманы такие густые, что люди рождаются без меток – родинок. Где я научилась читать по старым книгам, оставшимся от странствующего монаха. Где мечтала увидеть большой мир. Однажды гуляла, пасла стадо овец, оступилась и упала в горную речку, вынырнула уже в Аддермуре.

Вигорн слушал, кивая, но его глаза оставались недоверчивыми. Когда я закончила, он взял мою руку.

— Очень поэтично. И очень... гладко. Но... да ладно. Каждый имеет право на свои тайны.

— Почему Вы сомневаетесь в моей истории, мой лорд?

— Такие прекрасные создания, как ты, не могут пасти овец. Твои руки такие нежные... Такие принадлежат лишь особам из высшего общества.

— Но я говорю правду. И делать я умею многое по хозяйству. Вы можете это проверить.

— Заманчивое предложение. — с улыбкой отозвался Вигорн, проводя взглядом ласточку в небе. — Пожалуй, я его запомню.

Мы вышли за пределы сада, на небольшую площадь при дворце, заставленную лавками. Вигорн остановился у одной — маленькой, с витриной, полной хрустальных флаконов.

— Бутик «Сны Серафимы». Лучшие духи в Аддермуре. Выберешь себе что-нибудь? Мой подарок.

— С удовольствием, мой лорд.

Внутри все благоухало — цветами, смолами, пряностя-

ми. Хозяйка, изящная женщина с седыми волосами, уложенными в аккуратную причёску, предложила мне попробовать несколько ароматов. Я нюхала, прикладывая флаконы к запястью, но запахи казались мне слишком навязчивыми. В Петербурге я слышала более утонченные, более изящные ароматы. А эти... Одно огорчение.

И вдруг, среди этого пьянящего коктейля, я осознала всю абсурдность ситуации. Я стою здесь, выбираю духи, которые мне не нравятся, с мужчиной, который мне тоже не по душе, играя роль, которая начинает меня пугать.

Я положила очередной флакон на прилавок.

— Лорд Вигорн... мне нужно сказать Вам кое-что.

Он поднял бровь.

— Да? Определилась с выбором?

— Нет, насчет другого. Я... ценю Вашу щедрость. Вашу защиту. Но я не смогу больше... быть с Вами. В том смысле, который Вы, кажется, предполагаете. Я не смогу притворяться влюблённой. И не смогу лечь с Вами в постель. Прощу, не злитесь на меня.

Я ждала гнева, насмешки, угрозы. Но Вигорн лишь вздохнул, и его лицо внезапно показалось мне усталым, почти старым.

— Я и не ожидал этого, — сказал он тихо. — Я... одинок, Аэлин. У меня есть власть, богатство, влияние. Но нет никого, с кем можно было бы просто поговорить. Кто не боялся бы меня. Кто не хотел бы чего-то от меня. Ты, по крайней

мере, честна. И хочешь самую малость — знания. Я только рад ими делиться.

Это признание застало меня врасплох. Я видела в нём хищника, развратника, но не одинокого стареющего человека. Тем более выглядит он ещё в самом рассвете сил.

— Я предлагаю сделку, — продолжал он. — Оставайся при мне как компаньонка. Ходи со мной на приёмы, на собрания, составляй мне компанию. Я дам тебе доступ к книгам, к знаниям, которые ты ищешь. А ты... дай мне иллюзию, что я не совсем один. Что хоть кто-то видит во мне человека, а не титул или кошелёк. А там... посмотрим. Что скажешь?

Это было неожиданно. И... честно. Я кивнула.

— Хорошо. Я согласна. Но я буду с Вами откровенна. Всегда.

— Я на это и надеюсь, — он улыбнулся, и в этой улыбке впервые не было пошлости. — Тогда по рукам. А теперь выбери духи. Настоящие. Те, что пахнут тобой, а не той, кем ты притворяешься.

Я выбрала лёгкий, теплый аромат — ноты цитруса, корицы и чего-то горьковатого. Вигорн кивнул одобрительно.

Через два дня мы снова были во дворце — на собрании Совета Восьми, куда Вигорн взял меня с собой как свою сопровождающую. В огромном зале с дубовым столом, за которым могли бы разместиться пятьдесят человек, уже собрались представители знати и чиновники. Я опять чувствовала на себе взгляды — те же любопытные, но некоторые уже

враждебные. Леди Камелия сидела в дальнем конце стола и смотрела на меня, как кошка на мышку.

Вигорн оставил меня у входа, подойдя к группе своих знакомых.

— Подожди здесь. Слуги покажут тебе дворец, если захочешь осмотреться.

Я кивнула. Как только он отошёл, я подозвала одного из слуг — молодого парня в ливрее.

— Мне надо в библиотеку, — сказала я тихо. — Вы можете проводить меня в библиотеку дворца?

Он кивнул, без слов развернулся и повёл меня по длинным коридорам.

Библиотека оказалась даже больше, чем я представляла — огромный темный зал с галереями, уходящими ввысь, заполненный книгами от пола до потолка. Воздух здесь был другим — сухим, пыльным. В центре зала находились несколько кресел, софа и камин, где ярко играл с тенями огонь.

Слуга удалился, оставив меня одну. Я прошла между стеллажами, касаясь пальцами корешков. Многие были на непонятных мне языках, но некоторые — на общем наречии Аддермура, которое я уже начала понимать. На слух все было гораздо легче, а вот с чтением у меня были пока заминки. Но училась я всегда быстро.

Я нашла секцию по истории восьми графств и выбрала толстый том в кожаном черном переплёте — «Хроники Туманного Предела».

Усевшись за один из читальных столиков в нише, я открыла книгу. И погрузилась в чтение.

«В мире, где силы возгораются и разворачиваются, Нетленные — особенные мальчики и девочки, с силами разума.

Насильно отнятые у семей при первом вздохе, Воспитанные правительством для их плана — захватить и удержать все земли от разрушения

Вечного Тумана у границ.

У Нетленных головы выбриты, и змей в вечном символе восьмёрки вытатуирован на их головах.

Им также предсказаны даты их рождения и смерти Колдцем Судьбы,

И даты эти нанесены на их затылок. Но татуировки открываются

Лишь когда достойный коснётся их кожи, заслужив это знание.

В их сердцах есть лишь туман,

Они служат вечности и круговороту Змея.

Сквозь туман они собираются, единые в силе,

Нетленные, воины, готовые сражаться за графства.

С разумами, сплетёнными, нерушимой связью тумана,

Они выступают вперёд, доблестные, мужественные и сильные,

Чтобы оберегать людей от того, что рыщет по ночам в тумане на границах.»

Я читала, и у меня мурашки бежали по коже. Нетленные... Дети, рождённые с силой разума, обращённые в оружие. Их метки, их татуировки... это было похоже на то, что я искала? Связь между мирами, пересечения? Но они были частью этого мира, его тёмной механикой. И от кого они оберегали жителей графства?... Неужели в тумане водятся какие-то чудовища? Лида мне ничего не говорила про это...

Я перевернула страницу, нашла другую историю.

«Среди лесов туманных, где тьма живет свободно,

Вечный туман, густой и злоеущий,

Сторожит пределы графств, наводя тоску.

Под его покровом прячутся тайны,

Твари таятся, готовые явиться.

Безумие царит, там где они бродят,

Никто из смертных не должен ходить там.

Но в этой стране теней глубоких,

Существует легендарное пророчество

О двух пламенах, связанных судьбой.

Лишь они, истинные родственные души любви,

Одарённые небесами, благословлённые свыше,

Могут ступить за пределы тумана,

Где твари дрогнут, их сила терпит неудачу.»

Пророчество о двух пламенах. О любви, способной развеять туман. Это звучало как сказка, красивая и безнадёжная. Я хотела читать дальше, как вдруг услышала шаги и приглушённые голоса у входа в библиотеку. Быстро и бесшумно я

юркнула под читальный стол, прижав книгу к груди.

В библиотеку вошли двое — юноша и девушка. Они разговаривали шёпотом.

«...нельзя, нас могут увидеть!» — шептала девушка. По голосу и акценту я поняла — она служанка.

«Никого нет, все на собрании, — ответил мужской голос, молодой, бархатный, принадлежащий, несомненно, аристократу. — Я скучал по тебе, Лила».

«А я по Вам, милорд...»

Последовал звук поцелуя, шорох одежд. Я замерла под столом, чувствуя себя неловко и раздражённо одновременно. Они целовались, шептались о своей тайной любви, о том, как невозможно быть вместе из-за сословных различий. Романтично. И чертовски некстати.

Я попыталась отодвинуться глубже под стол, но мой ботинок неловко задел ножку шкафа. Раздался глухой стук.

Поцелуй оборвался.

— Что это? — испуганно прошептала девушка.

— Ничего. Наверное, мышь. Или...

Я затаила дыхание. Послышались осторожные шаги, приближающиеся к моему укрытию. Сердце заколотилось так громко, что, казалось, оно может выдать меня. Но потом юноша вздохнул.

— Никого. Пойдём, Лила, здесь и правда небезопасно.

Они быстро ушли, их шаги затихли в коридоре. Я вылезла из-под стола, отряхивая платье от пыли. Глупо. Опасно. Но

книга была со мной.

Я вернулась к чтению, но сосредоточиться уже не могла. Пора было возвращаться к Вигорну. Я положила том обратно на полку и пошла к выходу, к залу собраний.

Вернувшись к компании, я застала оживлённую беседу. Вигорн был в центре группы мужчин, обсуждавших налоги на торговлю с остальными графствами — теми немногими, с которыми ещё можно было как-то сообщаться через охраняемые коридоры. Женщины, включая леди Камелию, обсуждали последние сплетни. Я стояла в стороне, чувствуя себя чужой, и от нервного напряжения начала тихо напевать себе под нос старую русскую песенку, а потом отпустила пару шуток про чопорность местного этикета — шуток, которые никто не понял и которые были встречены ледяным молчанием среди дам.

И вдруг из-за соседней колонны вышел он.

Высокий, с тёмно-русыми волосами, ниспадающими до плеч, в чёрном камзоле с золотой вышивкой. На лице — чёрная полумаска с позолотой, закрывающая верхнюю часть лица, и дымчатые очки цвета тёмного вина. Он шёл прямо на меня, его поступь была бесшумной, как у кошки.

— Что за диковинная птица завелась при дворе? — его голос был низким, чуть хриловатым, но полным презрительного любопытства. — И что это за странные звуки она издаёт? Смех деревенской дурочки, нашедшей блестящую битую?

Все вокруг замерли. Вигорн сделал шаг вперёд, но я опе-

редила его. Раздражение, страх, усталость — всё выплеснулось наружу.

— А Вы, должно быть, местный остро слов, — парировала я, глядя на его маску. — Хотя, судя по тому, что Вы прячете свое лицо за маской и очками, остроумие — не единственное, что Вы прячете. Вы заболели? Или просто страшный очень?

Наступила гробовая тишина. Кто-то ахнул. Вигорн побледнел. А незнакомец... он замер на секунду, а затем медленно, словно хищник, сделал шаг ко мне. Ещё шаг. Я отступила, наткнувшись спиной на мраморную колонну.

Он оказался в сантиметре от меня. Одной рукой в чёрной перчатке он схватил меня за подбородок, принудительно подняв моё лицо. Другой рукой он прикрыл свою маску, будто защищаясь. Я успела заметить перстень на его пальце — золотой, с чёрным камнем, в котором что-то пульсировало, как крошечное сердце.

— Откуда ты, деревенщина? — прошипел аристократ так тихо, что слышала только я. — И кто тебя пустил сюда с твоим грязным языком?

— Вы верно сказали. Я — деревенщина. Из деревни. А сюда меня пустили добрые люди, посмотреть как высшие люди живут, — выдохнула я, пытаюсь вырваться, но его хватка была железной. — А язык у меня чистый. В отличие от некоторых, кто прячется за масками.

Он резко отпустил меня, отшатнулся, будто обжёгшись.

— Вы пьяны? Что с Вами? — осведомилась я с полуулыбкой.

— Убери её с чужих глаз, Вигорн, — бросил аристократ через плечо и, развернувшись, ушёл, его плащ взметнулся за ним, как крыло ворона.

В зале воцарилось ошеломлённое молчание. Затем все заговорили разом. Вигорн схватил меня за руку и почти потащил в сторону.

— Что ты наделала?! — прошептал он, его лицо исказила тревога.

— Что? Этот индюк в маске первый начал. Я лишь...

— Это был князь Морвин, Аэлин! Теперь он тебя запомнит. Ты пререкалась с ним на виду у всего двора. А маску он носит и очки, потому что он слепой с детства.

У меня все похолодело внутри. Князь... Слепой князь. А я... я издевалась над его маской. Над его слепотой. Какой ужас...

Ко мне подбежала одна из служанок, девочка лет пятнадцати, с испуганными глазами.

— Сударыня... князь... он не видит. Уже десять лет. Вы, должно быть, не знаете... После несчастного случая... Князь Морвин носит маску, чтобы скрыть уродство, а повязку и очки, потому что свет причиняет ему боль. Все это знают.

Я закрыла глаза. Чёрт. Чёрт! Я оскорбила его не из злобы, а по незнанию. По своей глупой, самоуверенной дерзости.

— Мне нужно извиниться перед ним, — сказала я Вигор-

ну. — Я не знала.

— Теперь уже поздно, — проворчал он. — Иди и седи смирно. Сейчас начнётся собрание.

Мы вернулись в зал. Все расселись за огромным столом. Я села рядом с Вигорном, чувствуя, как на меня смотрят все дамы — уже не с любопытством, а со злорадством. Я испортила себе репутацию в один миг.

В зал вошёл пожилой мужчина в мантии советника. Все замолчали.

— Где князь? — спросил кто-то.

— Его туманность князь Морвин плохо себя чувствует, — объявил советник. — Собрание переносится на завтра.

Поднялся ропот разочарования. Вигорн вздохнул и встал.

— Пойдём.

Мы вышли из дворца в мрачном молчании. Его карета ждала нас у подъезда. Мы сели, и карета тронулась, катя по мостовой, выложенной чёрным камнем.

— Мой лорд... Расскажите мне про Нетленных, пожалуйста, — попросила я, чтобы разрядить напряжение. — Кто они?

Вигорн откинулся на спинку сиденья.

— Нетленные?... Их насильно забирают из семей при рождении. Воспитывает их правительство — для своего плана захватить и удержать все земли в безопасности вечного тумана у границ. — Он заговорил монотонно, словно заученный урок. — У Нетленных головы выбриты, и змей в вечном

символе восьмёрки вытатуирован на их затылках. Им также предсказаны даты рождения и смерти, и эти даты тоже нанесены на их затылок. Но татуировки открываются лишь когда достойный коснётся их, заслужив это знание.

Спасибо, конечно, но я просила рассказать о них, а не процитировать мне то, что я сама недавно прочитала.

Я хотела задать ещё вопрос, как вдруг снаружи донеслись громкое ржание и стук копыт. Карета резко остановилась. Вигорн выглянул в окно и мгновенно побледнел.

За нами, перекрывая узкую улицу, остановились три другие кареты — больше, темнее, с гербами дворца на дверцах. Из них вышли стражники в серой форме и несколько человек в мантиях советников.

Один из советников, худой мужчина с лицом бухгалтера, подошёл к нашему окну. Вигорн приоткрыл шторку.

— Лорд Вигорн. Просим прощения за беспокойство. Дело к Вашей спутнице.

— Ко мне? — не выдержала я. — Что вы хотите?

Советник даже не посмотрел на меня.

— Её вызывают на службу во дворец. По личному распоряжению.

— Какому распоряжению? Чьему? — возмутился Вигорн. — У неё есть покровитель! Я оформляю бумаги! Она будет считаться моей... женой!

— Бумаги Вы не успеете оформить, — холодно отозвался советник. — Распоряжение исходит от самого князя. Немед-

ленно.

Стражи уже открывали дверцу с моей стороны кареты. Я отпрянула.

— Нет! Я не пойду! Какое право вы имеете?

— Право силы, дитя, — сказал советник с усталой неприязнью. — И права того, чьё слово здесь — закон.

Меня вытащили из кареты. Вигорн попытался вмешаться, но его мягко, но твёрдо оттеснили два стража.

— Я помогу тебе, Аэлин! — крикнул он мне вслед. — Оформлю все бумаги! Ты будешь под моей защитой!

Но его голос затерялся в шуме улицы, когда меня вталкивали в одну из чёрных карет. Дверца захлопнулась с глухим стуком. Карета рванула с места.

Меня везли недолго. Вскоре мы снова оказались у стен дворца, но въехали через какие-то боковые ворота, во внутренний двор. Меня вывели и почти протащили по бесконечным коридорам, вглубь здания, где мы поднялись по лестнице. Наконец, открыли дверь и меня втолкнули внутрь. Дверь захлопнулась. Я услышала звук поворачивающегося ключа.

Комната была небольшой, но роскошной. Кровать с балдахинном, кресла, туалетный столик. Одно окно, забранное ажурной решёткой. Я бросилась к двери — она была прочной, дубовой. Я стала бить в неё кулаками, кричать, требовать выпустить меня. Ответом была тишина.

Отчаяние охватило меня. Я скользнула вниз по двери на пол, обхватив голову руками. Что теперь?... Зачем я ему?

Мсть за оскорбление? Или что-то похуже?

Я не знала, сколько времени просидела так. Но вдруг снаружи послышались шаги. Ключ повернулся в замке. Дверь открылась.

В дверном проёме стоял слуга в ливрее. Он поклонился.

— Его туманность князь Морвин соизволит принять Вас.

За его спиной, в коридоре, я увидела фигуру в чёрном. Без маски теперь — только шёлковая чёрная повязка на глазах, вышитая серебряным змеем. И его открывшееся лицо... бледное, прекрасное и абсолютно бесстрастное.

Я поднялась на ноги, отряхнула платье. Страх сменился ледяной яростью. Я не буду ползать и умолять о прощении. Что бы ни было дальше, я встречу это стоя и гордо.

Он сделал шаг вперёд. Дверь закрылась за его спиной, оставив нас наедине в комнате, которая внезапно показалась мне очень, очень маленькой.

Глава 5: Когти и Туман

Я стояла, вжавшись спиной в дверь, и смотрела на него. Князь Нетленных. Слепой правитель туманного графства. Вблизи он оказался более... угрожающим. Высокий, широкоплечий, с той особой хищной грацией, которая бывает только у тех, кто никогда не сомневается в своём праве повелевать. Чёрные волосы падали до плеч, обрамляя бледное лицо с точеными скулами. Но губы — тонкие, решительные, без намёка на мягкость. И повязка. Чёрный шёлк, плотно облегающий глазницы. Под ней ничего не было видно, но я чувствовала его взгляд. Он буквально просвечивал меня насквозь, заставляя кожу покрываться мурашками.

— Садись, — сказал он. Голос низкий, ровный, без интонаций. Приказ, не предложение.

Я не шевельнулась.

Князь сделал шаг вперёд, и комната вдруг стала меньше. Ещё шаг — и воздух между нами сгустился. Он остановился в двух метрах, не приближаясь, но я почувствовала давление — не физическое, а какое-то иное, будто сама атмосфера давила мне на плечи, пригибая к земле. Дышать стало тяжелее.

— Я сказал, садись, — повторил он. Голос был всё такой же ровный, но я вдруг ощутила непреодолимое желание подчиниться. Ноги подкосились, и я, сама не понимая как, оказалась в кресле.

Он не двигался. Стоял и смотрел на меня сквозь повязку. Я сжала подлокотники, пытаясь вернуть контроль над своим телом.

— Что Вам нужно? — мой голос прозвучал хрипло, но я хотя бы не заикалась.

Морвин склонил голову набок, будто прислушиваясь к чему-то.

— Мне? — переспросил он. — Ничего. А вот тебе, Ээлин... тебе много чего нужно.

От того, как он произнёс моё новое имя — медленно, с лёгкой насмешкой, — по спине пробежал холодок.

— Я знаю, зачем ты с Вигорном, — продолжил он, обходя кресло по дуге. Я следила за ним краем глаза, отказываясь поворачивать голову. — Знаю, зачем ты хотела попасть во дворец Совета. В библиотеку.

Он остановился у окна, за которым клубился вечерний туман. Его фигура чётко вырисовывалась на фоне мутного света.

— Ты уже была там. В общей библиотеке. Читала исторические хроники, сказки про Нетленных, пророчества. — Князь усмехнулся. — Всё это — лишь детские игрушки. Пыль. Тебя ведь интересует другое. Книги о пересечении миров. О том, как вернуться туда, откуда ты пришла.

У меня перехватило дыхание. Откуда он... Но вслух я процедила сквозь зубы:

— Даже если так?

— Даже если так, — кивнул он, будто я подтвердила его догадку. — Так вот, Аэлин из Иного мира. В закрытую библиотеку Совета ты никогда не попадёшь. Ни сегодня, ни завтра, ни через год. Туда не пускают... кого попало.

Он выделил последние слова с такой интонацией, будто плюнул мне под ноги.

Я вскочила. Давление с плеч исчезло — или я перестала его замечать в приливе ярости.

— Вы не можете мне запретить! Лорд Вигорн обещал...

— Лорд Вигорн, — перебил Морвин с чистым презрением. — Он — ничтожество. Коллекционер красивых кукол, который тешит себя иллюзией власти над ними. Его обещания ничего не стоят здесь.

— А Ваши, значит, стоят? — я шагнула к нему, забыв о страхе. — Вы запираете меня в комнате, как в клетке, запугиваете, говорите загадками... Что Вы вообще из себя представляете, князь? Слепой паук, плетущий паутину из чужих страхов? Зачем я Вам здесь? Хотите проучить этим лорда Вигорна?

Князь резко повернулся ко мне. Воздух между нами буквально завибрировал от этого движения.

— Осторожнее, — прошипел он. Голос потерял ровность, стал рычащим. — Ты не знаешь, с кем говоришь.

— А Вы не знаете, с кем говорите! — я подошла почти вплотную. Меня трясло от злости и своей беспомощности. — Думаете, если Вы князь, если у Вас власть и эти ваши

фокусы с давлением, я буду ползать на коленях и молить о пощаде? Не дождётесь! Я из Петербурга! Я пережила злую тётку, постоянный голод, унижения в гимназии и ледяную воду! Ваши игры мне побоку!

Я стояла перед ним, задрав подбородок, и смотрела прямо на повязку. Внутри всё кипело.

Князь Морвин молчал. Долго. Очень долго. Я слышала своё дыхание и биение пульса в висках. А потом он... изменился.

Это было неуловимо. Он не шевельнулся, не сделал ни шага, но воздух вокруг него стал плотным, тяжёлым, как в горах. Мои лёгкие будто сдавило невидимой рукой.

— Ты думаешь, я играю? — спросил он шёпотом. — Ты думаешь, это игры?

Он поднял руку — медленно, очень медленно. Я смотрела, как заворожённая, не в силах отвести взгляд. Его пальцы, длинные, в драгоценных кольцах, приближались к моему лицу. Я чувствовала жар, исходящий от них, хотя они ещё не касались кожи.

— Я вижу тебя, — прошептал он. — Вижу каждую твою чёрточку. Вижу, как бьётся жилка у тебя на шее. Вижу твой страх, спрятанный за дерзостью. И твоё желание.

— ...Желание? — выдохнула я, и голос предательски дрогнул. — Чего мне желать от Вас?

Он усмехнулся. Уголки губ приподнялись в кривой, горькой усмешке.

— Того же, чего все желают. Узнать. Понять. Прикоснуться к запретному. — Его палец, наконец, коснулся моей щеки. Ледяной. Но от этого прикосновения по телу пробежал жар, странный, непрощенный. — Я чувствую это в тебе очень четко. Ты не просто хочешь книг. Ты хочешь меня. Мою тайну. Мою силу. Мою тьму.

— Очень самонадеянно, — выдавила я, но не отстранилась. Не могла.

— Очень правдиво, — поправил он. Его палец скользнул по моей скуле, к виску, оставляя ледяной след.

Я ненавидела его за то, что он был прав. Ненавидела себя за то, что моё тело отзывалось на этот ледяной, пугающий контакт. Ненавидела эту комнату, этот туманный мир, эту ситуацию. И больше всего — этот проклятый магнетизм, который тянул меня к нему, как мотылька к пламени.

— И что Вы сделаете со мной, Князь? — мой голос сел до хриплого шёпота. — Докажете свою правоту, взяв меня силой? Это всё, на что способны местные князья?

Его пальцы замерли. Напряжение в воздухе стало невыносимым.

— Сила тут ни при чём, — прошептал он, наклоняясь ближе. Я уже чувствовала его дыхание на своих губах. — Я никогда не беру силой. Женщины сами приходят ко мне. Сами умоляют. Сами отдаются, потому что я даю им то, чего они жаждут больше всего на свете.

— ...И что же? — выдохнула я, глядя в чёрную ткань

повязки, за которой, я знала, скрывается что-то нечеловеческое.

— Забвение. Я даю им забыть, кто они есть. Раствориться во мне. Исчезнуть.

Его губы были в миллиметре от моих. Я чувствовала этот холодный, мятный запах, исходящий от него, чувствовала, как начинает кружиться голова от ожидания момента соприкосновения, которого ещё нет, но который неизбежен. Мои глаза закрылись сами собой. Тело предало меня, потянулось к нему, вопреки здравому смыслу, вопреки страху, вопреки всему.

И в этот момент — резкая, обжигающая боль в предплечье.

Я вскрикнула и отшатнулась от князя. На руке, чуть выше запястья, расплывалось алое пятно. Кровь капала на светлый ковёр. А Морвин стоял, глядя на свои руки с выражением... ужаса? На его пальцах, там, где секунду назад были идеально ухоженные ногти, сейчас блестели чёрные, острые, звериные когти. Длинные, загнутые, с капельками моей крови на кончиках.

— Дьявол, — выдохнул он.

Это было так неожиданно — это человеческое, земное ругательство из уст тёмного князя, — что я застыла, прижимая раненую руку к груди.

Он посмотрел на свои когти, потом на меня, потом снова на когти. В его лице, насколько можно было судить по непо-

движной повязке, читалось неподдельное потрясение.

— Ты... — начал он.

— Кто Вы, Князь? — перебила я, пятясь к двери. Кровь текла по пальцам, пачкая платье. — Что Вы такое?

Он не ответил. Резко развернулся — так резко, что полы плаща взметнулись — и через секунду дверь за ним захлопнулась. Звякнул ключ в замке.

Я стояла, прижимая к себе руку, и смотрела на алые капли на ковре. Сердце колотилось. Что это было? Демон? Оборотень? Или просто чудовище в человеческом облике, которое едва не...

Я не договорила мысль. Не хотела развивать её.

Рана саднила, но кровь, кажется, шла не слишком сильно. Я зажала её краем юбки, оторвала полоску кружева и кое-как перевязала. В голове шумело.

Не прошло и пяти минут, как дверь снова открылась. В комнату влетели две горничные с бледными лицами и пожилой мужчина с саквояжем — медик. Они засуетились вокруг меня, что-то говорили, но я их почти не слышала. Меня трясло, но не от холода.

Медик обрабатывал рану какой-то пахучей мазью. Потом, когда я уже думала, что всё закончилось, он вдруг быстро поднёс к моему лицу ватку, смоченную в чём-то. Резкий, едкий запах ударил в нос, и перед глазами все поплыло.

Я провалилась в темноту.

Глава 6: Сад и Встреча

Я проснулась от яркого света. Не того сумеречного, что лился из окон Аддермура, а солнечного, почти настоящего. Открыла глаза — и зажмурилась. За окнами было голубое небо. Голубое!

Я села, путаясь в простынях. Голова гудела. Где я?

Комната была большой, светлой, с высокими окнами без решёток, распахнутыми настежь. Белые шторы колыхались от лёгкого ветерка, за ними зеленели деревья, пели птицы. Всё это было так... нормально. Так по-земному. На миг мне показалось, что я вернулась домой, что Аддермур, князь Морвин, когти — всё мне приснилось.

Но боль в перевязанной руке напомнила об обратном.

Я встала, пошатываясь. На мне была сорочка, поверх — лёгкий халат. Кто-то позаботился обо мне пока я спала.

Я подошла к окну. Сад. Настоящий, земной сад — с яблонями, кустами сирени, цветочными клумбами. Вдалеке блеснул пруд. И над всем этим — ключья тумана, стелющиеся по траве, обнимающие стволы деревьев.

И в этом саду, прямо под моим окном, на траве сидели дети.

Четверо или пятеро, от пяти до десяти лет, в простых светлых одеждах. Они смотрели на меня. Не с любопытством — с каким-то настороженным ожиданием. Как зверьки, го-

товые в любой момент сорваться с места и убежать.

Я улыбнулась и помахала им. Они не ответили. Только переглянулись между собой.

— Эй! — крикнула я. — Как вас зовут?

Дети вскочили и, словно по команде, бросились прочь. Не в дом, а в сад, к деревьям. Я рванула к двери, но она была заперта. Чёрт! Я заметалась по комнате. Другая дверь — в уборную. И больше ничего.

Я вернулась к окну. Дети уже убежали, а мне так хотелось расспросить их обо всем. И тут я заметила большую яблоню, растущую почти у самых стен. Ветви её подходили близко к моему окну — метра полтора, не больше.

Азарт охватил меня. Я оделась — в то же платье, которое было на мне вчера, его кто-то почистил и погладил — и, примерившись, перелезла через подоконник. Ухватилась за ближайшую ветку. Та прогнулась, но выдержала мой вес. Через секунду я уже сидела на дереве, чувствуя себя почти счастливой.

Дети, увидев меня, замерли вдалеке. Глаза у них были большие, испуганные.

— Не бойтесь, — сказала я тихо. — Я не кусаюсь. Почти.

Самый маленький, мальчик лет пяти с льяными кудряшками, вдруг улыбнулся. И в ту же секунду вся стайка сорвалась с места и понеслась в сад. Я за ними — тоже спрыгнула, благо невысоко.

И тут началась игра в догонялки. Дети носились между

деревьями, хохоча и визжа, я — за ними, путаясь в длинном платье. Туман стелился под ногами, холодный, влажный, но я почти не замечала его. Впервые за... не знаю сколько времени я просто бегала и смеялась, как ребёнок. Эти малыши были такими нормальными, такими живыми посреди всего этого кошмара.

Они заманили меня к фонтану — большому, мраморному, с фигурой какой-то крылатой девы в центре. Я остановилась перевести дух, оперевшись о бортик.

И тут они налетели на меня со всех сторон.

Тонкие ручонки дёргали меня за платье, за волосы, за руки. Не больно, но настойчиво. Я пыталась отбиться, засмеялась, закричала:

— Эй! Прекратите! Щекотно же!

Они не слушали. Их становилось всё больше — откуда-то выбегали новые дети, такие же светловолосые, быстрые, молчаливые. Они кружили вокруг меня, дёргали, тянули, и я, потеряв равновесие, полетела прямо в фонтан.

Вода сомкнулась надо мной — холодная, тёмная. Я ушла под воду с головой, хлебнула, закашлялась. В ушах зашумело, перед глазами поплыли круги. И вдруг — память дала о себе знать. Лёд. Чёрная вода пруда. Тяжесть одежды, тянущая меня на дно. Невозможность вздохнуть. Паника, сжавшая горло.

Я перестала чувствовать руки и ноги. Всё тело сковало, будто я снова оказалась в том пруду, подо льдом. Я даже не

барахталась — просто погружалась в темноту, глядя вверх, на мутный свет сквозь толщу воды.

И вдруг что-то схватило меня за руку. Дёрнуло вверх с невероятной силой.

Я вылетела из воды, как пробка, и рухнула на траву, кашля и выплёвывая воду. Рядом стоял на коленях... кто?

Юноша. Высокий, светловолосый, с удивительно правильными, будто точеными чертами лица. Большие карие глаза смотрели на меня с тревогой. Он был красив той чистой, светлой красотой, которая редко встречается в обычном мире. Одной рукой он поддерживал меня за плечи, другой гладил по спине, помогая откашляться.

Я закашлялась в последний раз и перевернулась на спину, глядя в небо. Голубое. С туманными разводами. Я жива.

— Спасибо, — прохрипела я, поворачивая голову к своему спасителю.

Он улыбнулся. Застенчиво, даже как-то смущённо. И ничего не сказал. Просто помог мне сесть.

Я отжимала мокрые волосы, и тут заметила, как он смотрит. Его взгляд скользнул по моей фигуре и замер. Я опустила глаза — и всё поняла. Мокрое платье облепило тело, как вторая кожа, подчёркивая каждую линию, каждую выпуклость. Он смотрел и... краснел. Откровенно краснел, как мальчишка.

Я усмехнулась и прикрылась руками, но было поздно. Он уже всё увидел.

— Спасибо ещё раз, — выдохнула я, вставая. Он тоже встал, протянул руку, помогая удержать равновесие. — Ты кто?

Он открыл рот, чтобы ответить, но в этот момент из-за деревьев вышли люди. Много людей. Свита в тёмных одеждах, стража со змеями на рукавах. И среди них — чёрная фигура, от одного вида которой у меня всё похолодело внутри.

Морвин.

Он появился словно из ниоткуда — просто возник среди тумана, чёрный, высокий, с повязкой на глазах. В этот раз на нём не было маски, только шёлк на глазах, и я впервые увидела его полностью — бледное, прекрасное и абсолютно бесстрастное лицо.

Он остановился в трёх шагах, глядя на меня сквозь повязку. Взгляд его, невидящий и всевидящий одновременно, прошёлся по моей мокрой фигуре, по моему лицу, по руке юноши, которая всё ещё поддерживала меня за локоть. На скулах Морвина заиграли желваки.

— Иди переоденься, — процедил он ледяным голосом.

Я выдержала его взгляд. Или то, что он выдавал за взгляд.

— Не хочу.

Повисла тишина. Его свита замерла, боясь дышать.

Морвин медленно подошёл ко мне. Я не отступила, хотя каждый его шаг отдавался дрожью где-то в коленях. Он остановился вплотную. Протянул руку в перчатке и взял меня за запястье — то самое, раненое. Его пальцы сжались вокруг

бинтов. Не больно, но крепко.

— Иди переоденься, — повторил он тихо. В его голосе уже не было угрозы, но было что-то похуже — абсолютная, непоколебимая уверенность в том, что я подчинюсь.

Я молчала. Смотрела на чёрную повязку, за которой прятались его глаза, и молчала.

Его пальцы сжались чуть сильнее. Появилась лёгкая боль в руке.

— Ты будешь меня слушаться, — прошептал он одними губами. — Или я...

Но он не успел договорить.

Светловолосый юноша, который всё это время стоял рядом, шагнул вперёд и взял Морвина за руку. Перехватил его запястье чуть выше того места, где князь держал меня.

Глаза Морвина, скрытые повязкой, я не видела, но всё его тело напряглось. Он дёрнулся, пытаясь освободиться, но юноша держал крепко. Более того — он положил другую руку на плечо князю, и тот замер.

— Анатель, — прошипел Морвин. — Не лезь не в своё дело.

Светловолосый парень ничего не сказал ему в ответ. Просто держал его.

Секунду они стояли так — двое мужчин, светлый и тёмный, сцепившись взглядами и руками. Потом Морвин дёрнулся, вырвал свою руку из захвата и отступил на шаг. Его лицо, насколько я могла судить, исказила гримаса ярости.

— Иди и сними уже эти мокрые тряпки! — рывкнул он на меня. — Лорд Вигорн прибудет с минуты на минуту, чтобы забрать тебя. Проваливай!

Я не стала ждать второго приглашения. Рванула прочь, ко дворцу, даже не оглядываясь. Краем глаза заметила, что тот светловолосый юноша, Анатель, смотрит мне вслед с лёгкой, немного печальной улыбкой.

Вбежав в свою комнату — дверь была распахнута настежь, стражи пропустили без слов — я прислонилась к стене, пытаясь отдышаться. Сердце бешено колотилось. Рука, та самая, которую сжимал Морвин, горела огнём.

Лорд Вигорн приедет. Заберёт меня. Я буду свободна.

Но почему внутри, вместо радости, я чувствую досаду и странную, непонятную пустоту?

Я подошла к окну и посмотрела вниз, в сад. Туман уже почти скрыл деревья, фигуры людей, всё. Только чёрный силуэт Морвина ещё маячил у фонтана. Он стоял и смотрел вверх, на моё окно. Смотрел сквозь повязку. Сквозь туман. Сквозь стены.

Я задернула штору и закрыла глаза.

Кто же ты такой, князь Нетленных? И почему я не могу забыть прикосновение твоих ледяных пальцев?

Глава 7: Морвин в Цепях

МОРВИН

Впервые за долгое время я чувствую боль.

Невыносимую боль.

Но в этот раз она мне не враг — она напоминание. Каждую полную луну Нетленные собираются в Мандире, чтобы сковать меня древними цепями. Ритуал, завещанный первыми хранителями. Чтобы я, князь, отдавший сердце Туманному Графству, не забывал, что значит быть смертным. Чтобы помнил, за кого страдаю. За каждую душу в Аддермуре, за каждую деревню на границе тумана, за тех, кто молится нам в ночи.

Повязка плотно лежит на глазах. Я не видел света уже много лет — с тех пор, как моя старшая сестра, Сандрина, попыталась остановить Нетленных. Они забрали меня и попытались вытянуть из меня оставшиеся детские годы, чтобы я сразу принял облик взрослого человека и перешел в их служение. Сандрина тогда спасла мое детство. Но это лишило меня зрения.

Но теперь мне оно и не нужно. Я чувствую мир иначе. Голоса Нетленных льются мерным гулом, их дыхание, запах благовоний, тепло их тел, собравшихся вокруг алтаря. Я слышу, как звенья цепей трутся друг о друга, чувствую металлический привкус крови на губах.

Я вздрагиваю, когда очередная цепь с шипами впивается глубже в мою плоть. Кровь стекает по груди. Руки раскинуты, тело натянуто, каждая жила поет от напряжения. Но я терплю. Это плата.

Сегодня полнолуние. Сегодня я снова частично умираю, чтобы жили они.

Но что-то идет не так.

Сегодня в Мандире не только Нетленные.

— Князь Морвин. — Голос старейшины звучит торжественно, но в нем слышится напряжение. — К нам прибыли посланники из Ониксмира. Просят аудиенции. Дело не терпит отлагательств.

Я медленно поворачиваю голову на голос. Цепи тихо звенят при движении.

— Впусти.

Чьи-то шаги, неуверенные, тяжелые. Пахнет дорожной пылью, потом и страхом. Не одним страхом — многими. Люди пришли не с пустыми руками, они принесли с собой ужас целого графства.

— Великий князь, — голос дрожит, срывается. — Я — лорд Эдрик, посланник Совета Ониксмира. Мы пришли к тебе за защитой. Туман наступает на наши земли быстрее, чем предсказывали ваши... ваши монахи. Твари, что обитают в нем, уже сожрали три приграничные деревни. Люди гибнут. Дети... — он сглатывает, и я слышу, как отчаянно бьется его сердце. — Мы просим помощи. Ваши Нетленные вла-

деют знаниями, ваша сила... Вы можете сдержать туман, вы можете защитить нас. Мы готовы платить любую цену.

Тишина. Только цепи звенят, когда я качаю головой.

— Нет.

— Что? — голос посланника срывается на фальцет. — Князь, вы не понимаете! Если туман поглотит Ониксмир, следующей падет ваше графство! Твари не знают границ, они жрут все живое!

— Я понимаю больше, чем ты думаешь, лорд Эдрик. Туман наступает не потому, что мы плохо защищаем границы. Весы клонятся. Тьмы становится больше, чем света. Если я вмешаюсь сейчас, если брошу силы на сдерживание там, где равновесие уже нарушено, баланс рухнет окончательно. И тогда туман поглотит не только Ониксмир. Не только Ад-дермур. Все восемь земель.

— К черту твой баланс! — в голосе посланца прорезается отчаяние, граничащее с безумием. — Там люди гибнут, князь! Люди! Прямо сейчас их рвут на части твари, а ты стоишь здесь в своих цепях и рассуждаешь о каких-то весах! Ты бессмертный, ты не понимаешь, что значит терять близких, видеть, как твоих детей!...

Он осекается. Я медленно поднимаю голову, и даже сквозь повязку он чувствует мой взгляд. В храме становится холоднее.

— Не понимаю? — тихо переспрашиваю я. — Ты знаешь, почему я ношу эти цепи каждую полную луну, лорд Эдрик?

Почему позволяю вонзять шипы в свою плоть, почему кровь течет по этому полу ручьями? Чтобы помнить. Чтобы чувствовать ту самую боль, которую чувствуют люди, когда теряют своих детей. Чтобы не забывать, за кого я страдаю.

Я делаю паузу, давая словам осесть в его сознании.

— Я отдал свое сердце этому графству. Буквально. У меня нет его в груди. Каждый миг своего существования я плачу за то, чтобы ваш мир не рухнул в бездну. А ты приходишь ко мне и говоришь, что я не понимаю?

Посланник молчит. Я слышу, как дрожат его руки.

— Возвращайтесь в Ониксмир, — говорю я устало. — Я не дам вам войск. Не дам Нетленных. Не дам защиты. Баланс превыше всего.

— Тогда мы погибнем, — шепчет он.

— Возможно. — Я отворачиваюсь, давая понять, что аудиенция окончена. — Мне жаль.

Шаги посланника затихают в отдалении. Старейшина вздыхает.

— Они не примут отказа, князь. Я чувствую их гнев.

— Знаю, — киваю я. — Но выбора у меня нет. Готовьтесь к ритуалу.

Цепи снова натягиваются, шипы входят в плоть. Боль привычно заполняет сознание, возвращая меня к истинной сути служения. Я закрываю глаза под повязкой и позволяю ритуалу течь сквозь меня.

А потом начинается крик. Запах крови — не моей. Чужие

шаги. Лязг оружия.

— Князь Морвин. — Голос лорда Эдрика, но какой-то другой — сорванный, безумный. — Какая радость видеть тебя таким беспомощным.

Я дергаю цепи, игнорируя жгучую боль.

— Ты посмел? В стенах Мандира? Во время священного ритуала?

Он смеётся, подходя вплотную.

— Ты отказал нам в защите, князь. Ты обрек нас на смерть. Так почему мы должны щадить тебя?

Я чувствую, как он склоняется ближе, разглядывая мое лицо.

— Говорят, ты не смотришь на мир уже сотню лет. Говорят, под повязкой у тебя пустота. Как-то слабо верится...

Рывок — и я чувствую, как ткань сползает с лица. Холодный воздух касается век впервые за столетия. Я медленно открываю глаза.

Он смотрит в них. Он хотел увидеть пустоту.

Но увидел не её.

Он увидел ту самую бездну, что клубится за границами графств. Ту самую тьму, что я сдерживаю своей ношей. Ту самую цену, что я плачу за равновесие.

Его зрачки расширяются, рот открывается в беззвучном крике. Я вижу, как стремительно, на глазах, седеют его волосы, как кожа становится пепельно-серой, как рассудок покидает его глаза, сменяясь первобытным ужасом.

— Надень обратно, — хрипит он трясущимися руками, нащупывая повязку. — Надень обратно. Пожалуйста. Прошу!

Одной рукой он прижимает ткань к моим глазам, завязывая её дрожащими пальцами. Я чувствую капли его пота на своей коже. Он еле стоит на ногах.

В наступившей тишине я слышу, как его люди в ужасе переглядываются. Как некоторые из них падают на колени. Кто-то начинает читать молитву.

Я молчу. Жду.

— Ты... — голос убийцы сел, превратился в старческий шепот. — Что ты такое?

— Ты даже не знаешь моего имени, — тихо отвечаю я. — Никто не знает. Даже мертвые.

Он отшатывается, пытаюсь вспомнить, зачем пришел. Рука с клинком дрожит. Он делает судорожный вдох, пытаюсь собраться, и с криком бросается на меня, целясь в сердце.

Не успеваешь лезвие проткнуть ткань моего халата, как двери в зал распахиваются с грохотом. Шаги Нетленных. Тех, кто выжил. Я слышу их дыхание, их гнев. Люди Ониксмира кричат, мечутся, пытаюсь найти выход, но тени в рясах настигают их одного за другим.

— Аргх!

Крик вырывается сам собой, когда клинок все же входит в мою плоть — убийца успеваешь довести удар до конца, прежде чем его отбрасывают прочь. Кровь течет по груди, но это все-

го лишь плоть. Я слышу, как он хрипит в руках моих монахов. Глубокий, надтреснутый голос старейшины произносит имя, которое знают лишь немногие:

— Ималдин.

Цепи со звоном падают на каменные плиты. Чьи-то руки поддерживают меня, помогая встать. Старейшина подходит к убийце, и я чувствую, как тот замирает, ощутив близость смерти.

— Не убивайте его сразу, — говорю я тихо, и голос мой скользит по стенам храма, как тот самый туман за окнами. — Приведите в чувство. Пусть вернется в Ониксмир и расскажет, что видел.

Повязка плотно сидит на глазах. Тьма снова стала моим домом. Но я все еще вижу — кожей, слухом, самой сутью своей — как старейшина склоняется над поседевшим, обезумевшим человеком, как тот бормочет что-то нечленораздельное, как пахнет от него страх пополам с безумием.

— Они хотели войны? — мой голос звучит тихо, но в каменном зале храма его слышат все уцелевшие Нетленные. — Они решили, что имеют право судить нас? Что мы обязаны им жизнью и защитой?

Я делаю шаг вперед. Раны еще кровоточат, но это не важно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.